

УДК 811.511.132

О. Н. Баженова

**СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ АНТОНИМОВ
В ТЕКСТАХ КОМИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

Статья посвящена анализу стилистических функций антонимов в коми языке на материале художественных произведений. При определении понятия «стилистическая функция» автор ссылается на исследование И. В. Арнольд и рассматривает тексты, опираясь на методы стилистики восприятия. Также при анализе стилистических функций антонимов привлекается теория И. Р. Гальперина о видах информации в тексте. При помощи рассмотрения трёх основных стилистических функций: экспрессивной, эмоционально-оценочной и характерологической – делается попытка раскрыть некоторые особенности идейно-эмоционального содержания литературных произведений. Автор обращает внимание на случаи совмещения различных стилистических функций, а также анализирует некоторые стилистические приёмы (иронии, антифразиса, антitezы), которые основываются на языковых и контекстуальных антонимах.

Ключевые слова: стилистика, стилистика восприятия, стилистический анализ, стилистическая функция, антонимы, коми язык, коми литература.

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-2-198-204

Введение

Антонимия – один из основных показателей системных связей в лексике любого языка и «представляет собой одну из универсалий языковых» [Новиков 1990, 35]. Однако в речи антонимы могут выражать нечто большее, чем простую противоположность лексических значений, доказательством чему служат тексты художественной литературы, где у антонимов имеются разнообразные стилистические функции.

По определению И. В. Арнольд, **стилистическая функция** – это выразительный потенциал взаимодействия языковых средств в тексте, обеспечивающий передачу наряду с предметно-логическим содержанием текста также заложенной в нем экспрессивной, эмоциональной, оценочной и эстетической информации [Арнольд 2002, 84]. Исчерпывающей классификации стилистических функций в научной литературе пока нет; большинство авторов различают характерологическую, дескриптивную, эмотивную и оценочную функции [Там же]. Последние две – эмотивную и оценочную – исследователи часто объединяют, пользуясь понятием «эмоционально-оценочный». Так, например, данный термин употреблён А. Н. Ракиным в статье «Стилистически окрашенная лексика коми языка в лексикографическом аспекте исследования», где учёный рассматривает лексику как характеризующую эмоциональное состояние говорящего и указывающую на эмоциональное отношение к предмету речи (т.е. оценку). В словаре такая лексика маркируется пометами ласк., шутл., ирон., укор., неодобр., презр., пренебр. [Ракин 1988, 83]. Характерологическую и дескриптивную функции также можно объединить, как это сделано в упомянутой статье А. Н. Ракина, выделяющего три типа стилистически окрашенной

лексики, одним из которых является «социально окрашенная лексика», т.е. лексика, характеризующая самого говорящего [Ракин 1988, 87].

В данной статье рассмотрены три стилистические функции антонимов, а именно: **экспрессивная, эмоционально-оценочная и характерологическая**. Текст анализируется по методам **стилистики восприятия** [Степанов 1965, 284] и направлен на выявление того, как стилистические функции антонимов помогают раскрыть идейно-эмоциональное содержание произведения.

1. Экспрессивная функция

Понятие экспрессивности в языке часто смешивается с понятием эмотивности. Выражение какой-либо эмоции почти всегда связано с эмфазой, увеличением экспрессивности. Экспрессивность же может пронизывать как эмоциональное, так и интеллектуальное, и волевое [Лобанов 2005, 124].

По мнению И. Р. Гальперина, экспрессивная стилистическая функция состоит в усилении акцентирования внимания адресата на содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации с помощью языковых средств [Гальперин 1981, 27].

В поэтических произведениях антонимы нередко употребляются в неожиданном контексте, что усиливает содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую информацию. Так, в стихотворении Анжелики Елфимовой второй компонент антонимической пары *ямны – туны* ‘убывать – прибывать’ (о воде) получает необычную лексическую валентность, будучи употреблён с сущ. *енэж* ‘небо’: *Эжва ямис, / енэж бара туис* [Елфимова 2002, 35] ‘Вода в реке Вычегда упала, небо снова увеличилось (букв.: прибыло)’ (здесь и далее перевод мой. – О. Б.). Этот пример наглядно свидетельствует о том семантическом нюансе, который мы иногда упускаем из виду: антонимы в логическом смысле не столько подчёркивают различие, сколько олицетворяют тождество понятий, так как «антонимия представляет собой противоположность внутри одной сущности» [Новиков 1990, 36]. В приведённом выше фрагменте стихотворения антонимы указывают на метафорическое тождество реки и неба, т.е. небо воспринимается как вода: оно убывает и прибывает. На содержательно-концептуальном уровне это тождество может быть основано на одинаковом цвете реки и неба (голубом), на том, что небо несёт в себе воду, орошая землю. Однако если обратиться к содержательно-подтекстовой информации, можно обнаружить более глубокие истоки такого сравнения. Река и Небо – ключевые образы финно-угорской мифологии. В мифологических представлениях финно-угров Мировая река стекает с вершины Мировой горы, упирающейся в Небо, и является продолжением реки небесной [Петрухин 2005, 27].

Антонимические пары, свойственные народнопоэтическому творчеству, по-новому осмысливаются в авторской поэзии, делая её более выразительной. В качестве примера для сравнения можно привести коми загадку и короткое стихотворение современной коми поэтессы Нины Обрезковой.

Загадка:

*Сьӧд дӧра вылын
тырыс еджыд чут.*

‘На **чёрном** полотне
полно **белых** точек’
(Отгадка: *кодзула енэж* ‘звёздное небо’).

Стихотворение Н. А. Обрезковой:

*Сьӧд дӧра вылын
Уна-уна еджыд чут –
Тайӧ
Сиктса шойна вылын
Тавоя крестъяс* [Обрезкова 2007, 17].

На **чёрном** полотне
Много-много **белых** точек –
Это
На сельском кладбище
Кресты нынешнего года.

У противопоставления антонимов *сьёд – еджыд* ‘белый – чёрный’ – не один уровень подтекста: здесь соположены благополучный, привычный природный мир и трагически-неожиданный социальный. Кроме того, в сравнении загадки и стихотворения выявляется антитеза между уютным, безопасным детством и незащищённой, уязвимой зрелостью.

Созданию экспрессии также способствует **фигура умолчания**, когда из-за табуированной темы (смерти, например) отсутствует один из пары антонимов. Например, в повести Ивана Торопова «Регыд дас квайт» (Скоро шестнадцать) в день Победы начальник лесопункта Шура Рубакин обращается к сидящим за праздничным столом женщинам: *Мед эськё верёсьясыд ёйёджык бёр локталісны, кодлён ловьяыс... Но, а кодлён, сідзкё нин шуны... Да...* [Торопов 1980, 114] ‘Пусть мужья ваши быстрее бы домой вернулись, у кого **живы**... Ну, а у кого, так сказать... Да...’. В антонимической паре *ловья – усьёма* ‘живой – погибший’ опущен второй компонент, и фраза эмоционально сильно воздействует на слушателей – персонажей повести: *Кодкё ырёбён бёрддзис, менам курзис жё горшій...* [Торопов 1980, 115] ‘Кто-то заплакал навзрыд, у меня тоже запершило в горле...’

Экспрессию создает употребление одного из членов антонимической пары с отрицанием: *Му тай абу енвевт* [Куратов 2009, 26] ‘**Земля** – это всё-таки не **небо**’; *Батьыд тай нё эз татшём лёкён вёвлы... Зэв бур морт вёвлі* [Торопов 1980, 121] ‘Отец твой не был таким **злым**... Очень **добрым** человеком был’. Подобное соединение антонимов усиливает значение одного из них, употребленного без отрицания; речевая избыточность при этом служит средством актуализации понятия, на которое автор хочет обратить особое внимание.

Экспрессия выражается и такими антонимическими парами, где один из антонимов выражен сравнительным оборотом: *...а гыжъясыс вёснийсь, абу мукёдлён моз вёв гыж кодьёсь* [Торопов 1980, 106] ‘...а ногти у него **тонкие**, не такие, как у других, **словно лошадиные копыта**’; *Службаыд тані сьёкыд: моллыд пёсь скёвёрёда вывті гос моз оз шлювкнит* [Безносиков 2001, 14] ‘Работа здесь **тяжёлая**: моль по реке **не соскользнёт, как сало по горячей сковороде**’.

Антонимы в экспрессивной функции служат для изображения полноты охвата явлений: *Сэсянь коли нин / немын олём, / Ёна юмов да курыдас / пёдли* [Елфимова 2002, 43] ‘С той поры уже прошло несколько жизней, когда я тонула в **сладости** и **горечи**’. Нередко в этой функции происходит нанизывание антонимических пар: *Ми кыз му улё / мортлысь шойсё суюм. Но качё енэжас пё / кокныд лолыс* [Мишарина 2005, 36] ‘Мы под **толщю земли** зарываем **тело** человека. Но, говорят, поднимается в **небо** его **лёгкая душа**’; *И төв, и гождём, / и ар, и тулыс, / и кор ме тэсянь ылын, / и кор ме тэсянь матын – / сёмын тэ йылысь / и рытъя шогъясё, / и войся вётъясё / и асья мёвпъясё* [Бутырева 1999, 6] ‘И **зимой**, и **летом** / и **осенью**, и **весной**, / и когда ты от меня **далеко**, / и когда ты от меня **близко** – / только о тебе / и **вечерние** мои печали, / и **ночные** сны / и **утренние** мысли’.

2. Эмоционально-оценочная функция

При анализе стилистических функций антонимов необходимо учитывать, что «каждый из членов антонимического противопоставления определяется как лексико-семантическая единица языка именно данным противопоставлением. Значение **большой** существует лишь постольку, поскольку существует значение **маленький**, и наоборот, оба эти слова в основных своих значениях взаимно предполагают друг друга и взаимно зависят один от другого» [Безносикова 1988, 32; цит. по: Шмелёв 1973, 142]. Это утверждение становится особенно актуальным при анализе текстов, пронизанных авторской **иронией**, где антонимы часто встречаются

в таком стилистическом приёме как **антифразис** (употребление слова или словосочетания в противоположном смысле). Так, в стихотворении И. А. Куратова «Поэт» перед нами предстаёт образ стихотворца, не обременяющего себя глубокими философскими идеями: *Шоныдик квартира, / Кынӧм пӧт... Мый колӧ? / Юрам гырысьджык / Сэк идея волӧ* [Куратов 2009, 107] ‘Довольно тёплая квартира, / Не голодаю... / Что ещё нужно? / Идеи **покрупнее** / Тогда приходят мне в голову’. Здесь под словом *гырысьджык* ‘покрупнее’ подразумевается его антоним – *мелкий, ничтожный*, а фраза о «более крупных идеях» поэта, довольствующегося обывательским благополучием, звучит иронично.

Антифразис в отрицательной коннотации (неодобрения, презрения) имеет также характерологическую функцию, т.е. служит характеристике внутреннего мира персонажа. Так, в рассказе Г. А. Юшкова «Висьтасьӧм» (Исповедь) Катерина перечит собеседнице Афанасии, повторяя слова последней, но в противоположном значении:

– *Мый нӧ эськӧ он ветлы вичкоас? <...> Висьтасьян кӧ, оз нин ков маитчыны нинӧмысь. Чист лоан!* [Юшков 2001, 54] ‘А в церковь почему не сходишь? <...> Исповедуешься, и не надо уже беспокоиться ни о чём. Чиста **будешь!**’

– *Лоан!* – *нерышитис Катерина. – Заводитас кӧ йирны сьӧлӧмтӧ, этиша нин висьтасьӧмнад мынан* [Юшков 2001, 54] – **Будешь!** – передразнила Катерина. – Как начнёт совесть грызть, никакой исповедью не отделаешься’.

В этом же рассказе немного ниже:

– *Мед эз гусясь!* ‘Не надо было **воровать!**’

– *Гусясис!* – *бара нерышитис Катерина. – Вит китыр сю вӧлі босьтӧма да* [Юшков 2001, 54] ‘**Своровала!** – снова передразнила Катерина. – Пять горсточек ржи и взяла всего’.

Этот, казалось бы, внешний диалог Катерины со случайной собеседницей на самом деле является спором Катерины самой с собой. Антонимы обнажают её внутренний конфликт: с одной стороны, Катерина неосознанно пытается избавиться от гнёта вины, с другой – не может простить себя. Эти два внутренних противоположных голоса воплощены в образе зеркала: *«Пасьнитны окота рӧмпӧштансӧ, мед быра сэтысь!»* [Юшков 2001, 55] ‘«Хочется разбить зеркало вдребезги, чтобы исчезнуть из него!»’.

3. Характерологическая функция

Чаще всего в характерологической функции антонимы выступают в качестве антитезы при описании противоречивой внешности или характера героев: *...вӧсни парьяса вомыс быттьӧ и сёрнитӧ бурьсь, весиг леститчыштӧмӧн, но синьясыс – лӧгӧсь, пӧсь пӧимӧ дасьӧсь пӧртны* [Торопов 1980, 109] ‘Рот с тонкими губами как будто и говорит **по-доброму**, даже с лестью, но глаза – **злые**, готовы испепелить’; *Синмыс кӧдзыд, да сьӧлӧмыс пӧсь да лышкыд* [Федоров 1979, 295] ‘Глаза его **холодные**, но сердце **горячее** и щедрое’.

Нередко в речи литературных персонажей можно наблюдать антонимы, которые свидетельствуют о своеобразной манере героев вести диалог: они словно соревнуются между собой в афористичности речи: – *Ме ичӧтик на майӧг. – Бӧдъыд ӧшкӧс на домавлӧны сэтшӧм майӧгас* [Юшков 1988, 68] ‘– Я ещё кол **маленький** (в значении: я пока ещё мелкая сошка). – **Большого** быка привязывают к такому колу’.

Также в характерологической функции антонимы служат для описания философских понятий времени, судьбы: *Кадьс этиша, кадыс уна, / Тӧвзьӧ-лӧбӧ, ӧдва мунӧ* [Ельцова 2016, 61]; ‘Времени **много**, времени **мало**, / Мчится-летит, едва плетётся’; *Ме вая шоныд и кӧдзыд, гаж и жугыль, шога чукӧстчӧм и шудлысь лӧньсӧ, войся пемыдсӧ и луньюгыдсӧ* [Уляшев 2006, 99] ‘Я приношу **тепло** и **холод**, **веселье** и **грусть**, **печальный отклик** и **тишину счастья**, **темноту ночи** и **свет дня**’.

Выводы

Основным значением антонимической пары является выражение противопоставления, характерное для всех рассмотренных выше стилистических функций: экспрессивной, эмоци-

онально-оценочной и характерологической. Между тем ни одна из них не существует сама по себе, а совмещается с другими. Так, эмоционально-оценочная функция, т.е. употребление слов с эмоционально-оценочной коннотацией может характеризовать персонажа (как, например, в рассказе Г. А. Юшкова «Висьтасьём» (Исповедь)), а экспрессивная функция помогает обнаружить авторскую позицию (в стихотворении Н. А. Обрезковой «Сьёд дора вылын...» (На чёрном полотне...)). Также экспрессивная функция антонимов способствует выявлению содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации (в стихотворении А. Г. Елфимовой «Эг и тёдлы...» (Я и не заметила...)). Таким образом, рассмотрение стилистических функций антонимов служит одним из важных способов раскрытия идейного и эмоционального содержания литературных произведений.

ЛИТЕРАТУРА

- Арнольд И. В.* Стилистика современного английского языка. М.: Флинта, Наука, 2002. 384 с.
- Безносиков В. И.* Ок, и мортлөн олём: Повесть, висьтьяс. Сыктывкар: Коми небөг лэдзанін, 2001. 368 л.б.
- Безносикова Л. М.* Антонимы и полисемантические слова в коми языке // Лексикология и лексикография коми языка. Труды ИЯЛИ. Вып. 41. Сыктывкар, 1988. С. 31–42.
- Безносикова Л. М., Ляшев В. А.* Словарь антонимов коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1992. 288 с.
- Бутырева Г. В.* Сёкатё, эзысьё, донаё...Кывбурьяс. Сыктывкар: Коми книжной издательство, 1999. 108 л.б.
- Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.
- Елфимова А. Г.* Аддзысьлытёдз. Кывбурьяс (серия «Звуки северной лиры»). Сыктывкар: Коми небөг лэдзанін, 2002. 192 л.б.
- Ельцова Е. В.* Кодзула зэр. Кывбурьяс, проза гижёдыяс, вуджёдёмьяс. Сыктывкар: Коми Республикаса гижысь котыр, 2016. 144 с.
- Куратов И. А.* Ті көть шудаёсьджык лойй! Кывбурьяс, поэмаяс. Сыктывкар: Коми Республикаса гижысь котыр, 2009. 228 л.б.
- Лобанов С. В.* Экспрессивная стилистическая функция терминологической лексики в художественном тексте // Иностранные языки в высшей школе. 2005. № 3. С. 123–129.
- Мишарина А. П.* Шань сёлёмён сыла. Бөрйём гижёдыяс. Сыктывкар: Коми небөг лэдзанін, 2005. 304 л.б.
- Новиков Л. Г.* Антонимия // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1990. С. 35–36.
- Обрезкова Н. А.* Дзырьд дой. Кывбурьяс. Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2007. 80 с.
- Петрухин В. Я.* Мифы финно-угров. М.: Астрель, АСТ. 2005. 264 с.
- Ракин А. Н.* Стилистически окрашенная лексика коми языка // Тр. / Ин-т языка, литературы и истории Коми НЦ УрО АН СССР. Сыктывкар, 1988. Вып. 41. С. 75–89.
- Степанов Ю. С.* Стилистика восприятия // Французская стилистика. М., 1965. С. 284–298.
- Торопов И. Г.* Тянлы водзё овны. Висьтьяс, повестьяс. Сыктывкар: Коми книжной издательство, 1980. 624 л.б.
- Уляшев О. И.* Орд ордым. Висьтьяс, ворсанторьяс, кывбурьяс. Сыктывкар: Коми небөг лэдзанін, 2006. 160 л.б.
- Федоров Г.* Повестьяс. Сыктывкар: Коми книжной издательство, 1979. 448 л.б.
- Шмелёв Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. С. 142.
- Юшков Г. А.* Рёдвуж пас. Роман, повесыт. Сыктывкар: Коми книжной издательство 1988. 432 л.б.
- Юшков Г.А.* Висьтасьём // Нёль небөгё отувтём гижёд чукөр. 3 том: повесть, висьтьяс, пьесаяс. Сыктывкар: Коми небөг лэдзанін. 2001. Л.б. 54–56.

Поступила в редакцию 28.01.2019

Баженова Ольга Николаевна,

аспирант сектора языка,

ФГБУН ФИЦ Коми НЦ УрО РАН Институт языка, литературы и истории

167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26

e-mail: bazhenova-olga2011@mail.ru

O. N. Bazhenova

Stylistic Functions of Antonyms in Texts of the Komi Literature

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-2-198-204

The article considers three stylistic functions of antonyms in texts of the Komi literature. In order to describe the concept of the stylistic function the author refers to scientific researches by I. V. Arnold and uses the classification of information forms offered by I. R. Galperin. Stylistic means like antiphrasis, irony and antithesis are analysed for their connections with antonyms. The cases of some functions contamination are also represented. The paper gives a detailed analysis of the expressive, emotional and representative stylistic functions of antonyms and proposes some ideas about the role of the stylistic functions in the message of the text.

Keywords: stylistics, stylistics of perception, stylistic analysis, stylistic function, antonyms, the Komi language, the Komi literature.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2019, vol. 13, issue 2, pp. 198–204. In Russian.

REFERENCES

Arnold I. V. *Stilistika sovremennogo angliiskogo yazyka* [The stylistics of the modern English language]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2002. 384 p. In Russian.

Beznosikov V. I. *Ok, i mortlön olöm* [Oh, a life of man]. Syktyvkar, Komi nebög lehdzanin Publ., 2001. 368 p. In Komi.

Beznosikova L. M. *Antonimy i polisemantichnye slova v komi yazyke* [Antonyms and polysemantic nouns in the Komi language]. Leksikologiya i leksikografiya komi yazyka [Lexicology and lexicography of the Komi language]. Trudy IYALI. Vyp. 41. Syktyvkar, 1988. Pp. 31–42. In Russian.

Beznosikova L. M., Lyashev V. A. *Slovar' antonimov komi yazyka* [Dictionary of antonyms in the Komi language]. Syktyvkar, Komi kn. izd-vo Publ., 1992. 288 p. In Komi.

Butyreva G. V. *Syokatö, ehzys'ö, donaö...* [My darling, my silvery, my dear]. Syktyvkar, Komi knizhnöi izdatel'stvo Publ., 1999. 108 p. In Komi.

Galperin I. R. *Tekst kak objekt lingvisticheskogo issledovaniya* [The text as an object of linguistic research]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 139 p. In Russian.

Elfimova A. G. *Addzys'lytödz* [Farewell]. Syktyvkar, Komi nebög lehdzanin Publ., 2002. 192 p. In Komi.

Eltsova E. V. *Kodzula zehr.* [Star rain]. Kyvburyas, proza gizhödyas, vudzhödömyas [Poems, prose, translations]. Syktyvkar, Komi Respublikasa gizhys' kotyr Publ., 2016. 144 p. In Komi.

Kuratov I. A. *Ti köt' shudaös'dzhyk loj!* [I wish you were happier!] Kyvburyas, poehmayas [Poems]. Syktyvkar, Komi Respublikasa gizhys' kotyr Publ., 2009. 228 p. In Komi.

Lobanov S. V. *Ehkspressivnaya stilisticheskaya funktsiya terminologicheskoi leksiki v khudozhestvennom tekste* [The expressive stylistic function of terms in works of literature]. Inostrannye yazyki v vysshej shkole [Foreign languages in high-school]. 2005. № 3. Pp. 123–129. In Russian.

Misharina A. P. *Shan' s'ölömön s'yla* [I sing with a good heart]. Börjöm gizhödyas [Selected works]. Syktyvkar, Komi nebög lehdzanin Publ., 2005. 304 p. In Komi.

Novikov L. G. *Antonimiya* [Antonymy]. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar [Linguistic encyclopaedic dictionary]. Moscow, "Sovetskaya entsiklopediya" Publ., 1990. Pp. 35–36.

Obrezkova N. A. *Dziryd doi* [Blinking pain]. Kyvburyas [Poems]. Syktyvkar, OOO "Izdatel'stvo "Kola" Publ., 2007. 80 p. In Komi.

Petrukhin V. Ya. *Mify finno-ugrov* [Myths of the Finno-Ugric peoples]. Moscow, Astrel, AST Publ.,

2005. 264 p. In Russian.

Rakin A. N. *Stilisticheski okrashennaya leksika komi yazyka* [Stylistically coloured vocabulary of the Komi language]. Trudy In-ta yazyka, literatury i istorii Komi NTS UrO AN SSSR [Issues of the Institute of language, literature and history of the Komi Science Center of the Ural Branch of USSR Science Academy]. Syktyvkar, 1988. Vyp. 41. Pp. 75–89. In Russian.

Stepanov Y. S. *Stilistika vospriyatiya* [The stylistics of perception]. Frantsuzskaya stilistika [The French stylistics]. Moscow, 1965. Pp. 284–298. In Russian.

Toropov I. G. *Tiyanly vodzö ovny* [You must live further]. Vis'tyas, povest'yas [Stories]. Syktyvkar, Komi knizhnöj izdatel'stvo Publ., 1980. 624 p. In Komi.

Ulyashev O. I. *Ord ordym* [The path of kin]. Vis'tyas, vorsantoryas, kyvburyas [Stories, plays, poems]. Syktyvkar, Komi nebög lehdzanin Publ., 2006. 160 p. In Komi.

Fedorov G. *Povest'yas* [Stories]. Syktyvkar, Komi knizhnöi izdatel'stvo Publ., 1979. 448 p. In Komi.

Shmelyov D. N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [Challenges of the semantic analysis of vocabulary]. Moscow, 1973. P. 142. In Russian.

Yushkov G. A. *Rödvuzh pas* [The mark of kin]. Roman, povest't [A novel, stories]. Syktyvkar, Komi knizhnöj izdatel'stvo Publ., 1988. 432 p. In Komi.

Yushkov G. A. *Vis'tas'öm* [Confession]. Nyol' nebögö ötutvöm gizhöd chukör [Works composed in four volumes]. 3 tom: povest', vis'tyas, p'esayas [3-d volume: stories, plays]. Syktyvkar, Komi nebög lehdzanin Publ., 2001. Pp. 54–56. In Komi.

Received 28.01.2019

Bazhenova Olga Nikolayevna

Postgraduate student,

Komi Research Center of Ural Branch of Institute of Language,

Literature and History of RAS

26, ul. Kommunisticheskaya, Syktyvkar, 167982, Russian Federation

e-mail: bazhenova-olga2011@mail.ru